

СЕГМЕНТНАЯ ФОНОЛОГИЯ ГВИНЕЙСКОГО МАНО

Мано относится к южной группе языковой семьи манде, входящей в нигеро-конголезскую макросемью. По данным ethnologue.com¹, на mano говорят примерно 250 тыс. человек в Либерии и Гвинее. Исследование гвинейского варианта mano проводилось в рамках этнолингвистической экспедиции в Республику Гвинея в январе-феврале 2009 г. под руководством В.Ф. Выдрина².

В данной работе производится анализ фонологической системы гвинейского варианта языка mano: основное внимание уделяется анализу фонемного состава, а также затрагиваются супraseгментные особенности фонологии mano, такие как структура слога и метрической стопы.

Языковые данные, представленные в статье, получены в результате работы с информантом Эли Санди.

1. Согласные фонемы

смычные глухие	p	t	k	kw	kp
смычные звонкие	b	d	g	gw	gb
имплозивные	ɓ				
щелевые глухие	f	s			
щелевые звонкие	v	z			
сонанты	w	l	y		
носовые сонанты	(m)	(n)	(ŋ)	ŋ	(ŋw)

Фонема /l/ реализуется как [r] в том случае, если является серединным согласным стопы типа CVLV при условии, что первый согласный — денто-альвеолярный или палатальный (кроме /l/). В остальных случаях, т.е. в начальной позиции и в стопах структуры CVLV, где

¹ http://www.ethnologue.com/show_language.asp?code=mev.

² Исследование осуществлено в рамках проекта «Разработка автоматического глоссирования текстов языков с грамматическими тонами: семья манде» по программе фундаментальных исследований Президиума РАН.

первый согласный — лабиальный, велярный или лабиовелярный, фонема /l/ реализуется как [l]. Кроме того, возможна интерпретация срединного [n] в стопе CVnV как аллофона /l/ при начальном носовом согласном (см. раздел, посвященный фонематическому статусу носовых согласных).

Проблемы фонемного статуса лабиальных согласных (следует ли трактовать сочетание [kw] и [gw] как согласную фонему или как сочетание согласного с гласным /ɔ/, /o/ или /u/, подвергшимся редукции), а также носовых согласных (следует ли их интерпретировать как фонемы или как аллофоны ртовых согласных) будут обсуждаться дальше.

1.1. Фонологический статус велярных лабиализованных согласных. Слова мано, в которых встречается последовательность [kw], [gw], немногочисленны; ниже приводится полный их список:

[kwà] гриф	[kwí] белый человек
[kwèè] калемаса	[kwìà] инициированный
[kwēī] дрова	[gwéé] штукатурить
[kwènè] баклажан	[gwàgwà] ворон
[kwéí] отгороженный участок	

Проблема фонологической интерпретации сочетаний [kw] и [gw] делится на две подпроблемы:

В словах [kwēī] ‘дрова’ и [kwèè] ‘калемаса’ сочетание [kwɛ] интерпретируется информантом как /kɔ/, а сами слова соответственно как /kō/ и /kòò/. Ср. проблема «расслаивания» в кпелле: «Краткие гласные /o/ и /ɔ/ перед гласными переднего ряда (либо непосредственно, либо при наличии интервокальных /l/ и /n/) как бы “расслаиваются” соответственно на [wə] и [wɛ]. Например: *kɔ̀nèè* [kwènèè] ‘баклажан’, *kólé* [kwáí] ‘обещание’. При этом сами носители языка слышат в “проблемных местах” именно /o/ и /ɔ/» [Коношенко 2008, 17].

В оставшихся словах возможна интерпретация [kw] как сочетания [k] с гласным /ɔ/, /o/ или /u/, подвергшимся редукции.

Рассмотрим первую проблему: интерпретация информантом сочетаний [k/gwɛ] и [k/gwɛ] как /k/go/ и /k/gɔ/ соответственно, или «расслаивание». «Расслаивание» нерегулярно: оно могло бы происходить у слов [kwènè] ‘баклажан’, [kwéí] ‘отгороженный участок’, [gwéé] ‘штукатурить’, но не происходит. Даже у слов [kwèè] ‘калемаса’, [kwēī]

‘дрова’ на фонетическом уровне «расслаивание» не прослеживается. Чтобы это выяснить, анализировались последовательности, содержащие фонему /ɔ/ и сочетание [kwɛ], так что указанную фонему и сочетание звуков можно было сравнить в пределах одного предложения. Анализ спектрограмм этих предложений показал, что сочетание, которое информант интерпретирует как /kwɛ/, фонетически оказывается ближе к [kɔ], чем то, которое он интерпретирует как /kɔ/.

- (1) *ī kwènɛ́ lɔ́ pɛ́lɛ́*
2SG.EX баклажан покупать PROG

‘Ты покупаешь баклажан’.

- (2) *ī kwèè lɔ́ pɛ́lɛ́*
2SG.EX калемба покупать PROG

‘Ты покупаешь калембу’.

Следовательно, нет основания для слов [kwènɛ́] ‘баклажан’, [kwɛ́ɛ́] ‘отгороженный участок’, [gwɛ́ɛ́] ‘штукатурить’ интерпретировать [kwɛ(ɛ)] как /kɔ(ɔ)/, [gwɛ(ɛ)] как /gɔ(ɔ)/. Не вполне ясно, как следует интерпретировать слова [kwèè] ‘калемба’, [kwɛ́ɪ] ‘дрова’: либо пренебречь интерпретацией информанта и трактовать эти слова исходя из фонетической реализации, либо следовать интерпретации информанта и постулировать нерегулярное фонетическое изменение. На данный момент принять однозначное решение не представляется возможным: требуется большее количество словарных единиц для анализа.

Рассмотрим вторую проблему, а именно — возможность интерпретации сочетаний [kw] и [gw] как одной согласной фонемы или как сочетания гласной и согласной фонем. Если интерпретировать [kw] как сочетание согласной и гласной фонем (/ko/, /kɔ/ или /ku/), в слове [kwìà] ‘иницированный’ пришлось бы констатировать слово уникальной структуры CV₁V₂V₃, в словах [kwɛ́ɛ́] ‘отгороженный участок’, [kwí] ‘белый человек’, [kwìà] ‘иницированный’, [gwɛ́ɛ́] ‘штукатурить’, [kwènɛ́] ‘баклажан’ — сочетание гласных заднего и переднего ряда.

Поэтому для этих слов приходится признавать наличие согласных фонем /kw/, /gw/. Следовательно, в фонемном инвентаре эти фонемы есть.

Сочетание звуков [kw], [gw] встречается в некоторых производных словах. Например, в /gòà/: глагол *gò* ‘выходить’ + показатель причастия -à. Фонетически эта форма выглядит как [gwà], причем [w] оказывается носителем высокого тона, а значит, в данном случае это явно гласный, поскольку согласный [g], будучи звонким взрывным, является скорее тонопонижающим, и, следовательно, высокий тон, отличный от тона гласного, на [w] может появиться только оттого, что это не глайд, а редуцированный гласный. Таким образом, в подобных случаях мы не обязаны интерпретировать [kw] и [gw] как одну фонему, несмотря на то что она есть в инвентаре.

Оставшиеся слова, [kwà] ‘гриф’ и [gwàgwà] ‘ворон’, могут быть фонологически интерпретированы несколькими способами. Эти слова не производны (точнее, форма [gwàgwà] является немотивированным редупликатом), и [w] в обоих случаях не несет тона, отличного от тона [à] и [â]; таким образом, эти слова могут быть проинтерпретированы как /kwà/ и /gwàgwà/ соответственно.

Другой вариант — постулирование гласной фонемы, но при этом неясно, какой: /u/, /o/ или /ɔ/ (и соответствующих носовых в слове [gwàgwà] ‘ворон’, поскольку назальность в мане распространяется на все сочетание CVV), поскольку редуцироваться могла любая из этих гласных. При этом в мане слова структуры Cua, Coa или Cza крайне редки: это слова *tòà* ‘галаго’, *lòà* ‘обезьяна (*Philocolobus tholloni*)’, *bɔà* ‘могила’, *dùá* ‘гриф’, *fóáfòà* ‘легкий’, у всех слов явно выделяются два гласных, но какой это гласный, /o/, /ɔ/ или /u/, сказать трудно.

Будем считать, что вопрос о фонемном составе слова [kwà] ‘гриф’ и [gwàgwà] ‘ворон’ остается открытым: признание, с одной стороны, «редкой» согласной фонемы, с другой — еще более редкого сочетания гласных фонем. Но поскольку принять какое-то решение представляется необходимым, остановимся на варианте *kwà* и *gwàgwà*.

При этом бесспорно, что согласные /kw/ и /gw/ являются маргинальными фонемами.

1.2. Проблема носовых согласных. Для многих языков манде определение статуса носовых согласных является отдельной пробле-

мой — являются ли они особыми фонемами или аллофонами носовых. Почти для всех языков южной группы манде назализация вообще описывается как просодическое явление, распространяющееся на всю стопу и являющееся одним из основных признаков выделения стопы. Стопа понимается как единица плана выражения более высокого, чем слог, уровня, которая может состоять из одного или нескольких слогов и обладает повышенной степенью внутренней связанности [Выдрин 2008]. В результате в языках манде носовые согласные появляются в следующих случаях:

1) в назализованных стопах (в особенности в языках манде южной группы, например в различных диалектах дан, где интегрированность фонем в стопе особенно четко прослеживается),

2) при чередовании после конечного /N/ предшествующей стопы, в том числе в диахронии (в том случае, если конечный /N/ реализуется только как чередование следующего согласного и вне контекстов чередования не выделяется); последующий гласный в этом случае остается носовым (это явление наблюдается в юго-западных манде, например в кпелле, см.: [Коношенко 2008]).

Таким образом, если носовые и ртовые согласные оказываются дополнительно распределены, то носовые согласные в таких языках признаются аллофонами соответствующих ртовых. Так, например, в кла-дан [m], [n], [ɲ], [ɲw] интерпретируются как аллофоны согласных /b/, /l/, /y/, /w/ соответственно.

Итак, для доказательства того, что носовые согласные являются отдельными фонемами, нужно рассмотреть оба контекста. При этом пары, для которых устанавливается фонологический статус, следующие: [m] — [b], [n] — [l], [ɲ] — [y], [ɲw] — [w]. Это выводится из контекстов чередования (см. раздел, посвященный фонематическому статусу /N/).

Что касается пункта 1), то назализация в стопе проявляется на гласных и на согласных. Поэтому нужно:

– предъявить последовательности структуры CV: ртовый согласный (/b/, /l/, /y/, /w/) и носовой гласный. Если в контексте назализованного гласного оппозиция между носовыми и носовыми согласными сохраняется, то это является доводом в пользу того, что носовые согласные являются отдельными фонемами;

– можно было бы также предъявить контексты, где в одном слоге встречаются носовые гласные и носовые согласные, но это сделать трудно, поскольку в слоге с носовым согласным довольно непросто определить, является ли гласный носовым или нет;

– в рамках обсуждения явления сорезонантности в стопе выявить инвентарь согласных в интервокальной позиции: в большинстве южных языков манде в стопе инвентари согласных в начальной и в срединной позициях не совпадают, и назальность срединного согласного целиком зависит от гласных и начального согласного (место образования). В зависимости от этих параметров появляется один из аллофонов: например в гуро [l], [ɾ], [ŋ], [ɽ] [Vydrine 2005]. В других языках, например в дан-гуэта, в назальном контексте могут встречаться как [n], так и [ɲ], но не [l]. Если в ману не будет обнаружено зависимости между качеством начального и срединного согласного в последовательностях типа CVCV, то это будет аргументом в пользу того, что носовые согласные являются отдельными фонемами.

Что касается пункта 2), даже если будет обнаружено аллофоническое варьирование в каких-либо фонетических контекстах, это не опровергнет гипотезы о наличии отдельных фонем, если предыдущие условия будут выполнены.

Последовательности структуры CV: ртовый согласный (/b/, /l/, /y/, /w/) и носовой гласный — в ману обнаруживаются. Например, *lɔ* ‘хобот’, *bɛ́í* ‘мало’, *kólɔ* ‘скелет’, *kɔ́lɔ* ‘хамелеон’, *yé́zɛ̀* ‘жалость’ и даже минимальная пара: *wé́í* ‘мочеиспускательная железа’ vs *wé́í* ‘ступа’, *bólɔ* ‘банан’ vs *bólɔ̀* ‘царапина’. Таким образом, в контексте назализованного гласного оппозиция между носовыми и неносовыми согласными сохраняется.

Что касается позиции после носовых согласных, то, как и ожидалось, убедительных контекстов, противопоставляющих носовые и чистые гласные, не обнаружилось, поэтому необходимо принять решение, что в контексте носовых согласных гласные по назальности не различаются (такое же, как в кпелле: «назализацию гласных в контексте до и после лексических носовых согласных считать нефонологической и не фиксировать на письме, т.к. в этой позиции носовые гласные не противопоставляются неносовым» [Коношенко 2008: 22]).

Что касается зависимости качества начального и срединного согласных в словах структуры CVCV, то оказалось, что гармония со-

гласных по назальности является одним из свойств, определяющих наличие стопы в мано, и в большей части слов начальный и срединный согласные одинаково охарактеризованы по назальности. Этому правилу подчиняются все без исключения слова структуры CV_1CV_1 , которых в моем списке насчитывается порядка 210, и 38 из 41 слова структуры CV_1CV_2 . Три оставшихся слова, *bòmò* ‘пастушок’ (птица), *lèmā* ‘забывать’, *lóní* ‘считать, подсчитывать’, нарушают, кроме свойства гармонии согласных, и другие свойства, определяющие стопу. Все три слова нарушают ограничение на срединный согласный (которым должен быть либо [l], либо [n] в зависимости от назальности начального согласного), а слово *lóní* ‘считать, подсчитывать’ — еще и свойство гармонии гласных по ряду (гласные должны совпадать либо по ряду, либо один из них должен быть гласным /a/). Из этого следует, что эти слова являются двустопными. Таким образом, поскольку в стопе носовые и ртовые согласные оказываются дополнительно распределены, анализ слоговой структуры показывает, что носовые согласные являются аллофонами неносовых.

При этом обнаружено одно слово структуры CV_1CV_2 с носовым вторым гласным, в котором интервокальные [n] и [l] свободно варьируются. Это слово *bálá* ‘молоток’. Это варьирование, конечно, свидетельствует в пользу версии про аллофоны. Возможно, при дальнейшем исследовании будут обнаружены слова с аналогичным варьированием или станет известно, что уже имеющиеся слова также это варьирование допускают.

Таким образом, носовые согласные мано оказываются на переходной стадии между аллофонами ртовых и отдельными фонемами. Вопрос об их статусе нуждается в дальнейшем изучении.

При этом существует ровно один контекст, в котором происходит чередование /b/, /l/, /y/, /w/ с соответствующими им носовыми согласными. Этот вопрос будет рассмотрен ниже, в разделе о фонематическом статусе /N/.

1.3. Фонематический статус /N/. В мано начальные чередования согласных /b/, /l/, /y/, /w/ с [m], [n], [ŋ], [ŋw] возникают в случае сочетаний местоимения 1 л. ед. ч. несубъектной серии \bar{N} с существительными с релятивной семантикой и с послелогом. В тех случаях, когда местоимение не вызывает чередования, оно реализуется как [n̄].

В языках Африки к югу от Сахары широко распространено чередование начальных согласных. При этом «чередования согласных чаще всего объясняются, хотя бы с диахронической точки зрения, влиянием носовых на другие согласные, с которыми они вступают в контакт» [Creissels 1994: 143].

Указанное чередование в ману происходит, когда следующее за местоимением слово начинается с /b/, /l/, /y/, /w/³, которые изменяются в [m], [n], [ɲ], [ɲw] соответственно. Чередование происходит в обе стороны: согласные /b/, /l/, /y/, /w/ приобретают назальность, как у местоимения, а /N/ ассимилируется по месту образования, поэтому происходит геминация. Например, *N̄ bɛɛ̄* [m̄m̄ɛ̄] ‘мой друг’, *N̄ lɔkɔ* [m̄m̄kɔ] ‘моя мать’, *N̄ uɪ* [m̄m̄ɪ] ‘во мне’. При этом носители языка ману утверждают, что это чередование факультативно: в медленной речи допустимо произносить [m̄ lɔkɔ] и т.п.

При этом есть местоимения 1 л. ед. ч. других серий, которые на фонетическом уровне также реализуются как [n] или [nn] с различными тонами. В этом случае, однако, ассимиляции нет. Например, *N̄ lɔ* [m̄ lɔ] *pɛ̄lɛ̄* ‘я иду (сейчас)’.

Возникает вопрос: если все серии местоимений 1 л. ед. ч. представлены одной и той же фонемой, почему в одних случаях она вызывает чередования, а в других — нет?

Эта разница объясняется разным типом синтаксической связи между местоимением и последующим словом.

У несубъектных местоимений 1 л. ед. ч. синтаксическая связь с последующим словом в большинстве случаев оказывается более сильной, чем у местоимений 1 л. ед. ч. остальных серий. Несубъектное местоимение оказывается с последующим словом в одной синтаксической группе: сочетаясь с послелогом — в послеложной, с существительным — в именной, будучи объектом глагола — в глагольной. При этом большинство местоимений, не вызывающих чередования, оказываются в именной группе субъекта, тогда как следующее слово является либо прямым объектом, либо глаголом, т.е. принадлежит глагольной группе.

³ Подходящего контекста для /w/ (т.е. существительного с релятивной семантикой или послелога, начинающегося с /w/) найти не удалось, но исходя из того, какие согласные подвергаются чередованию в других языках манде, мы предполагаем, что при расширении словаря такие слова будут найдены.

Но притяжательное местоимение, употребляющееся с автосемантическими именами, на фонетическом уровне тоже реализуется как [ñ], т.е. точно так же, как и несубъектное местоимение, при этом оно не подвергается ассимиляции.

С одним и тем же словом может употребляться как серия несубъектных местоимений, так и серия притяжательных местоимений, в зависимости от того, какой тип связи обозначается. Например, слово *ní* ‘червяк’ при обозначении кишечных червей, т.е., в сознании говорящих, неотделимых от человека, употребляется с несубъектной серией: *í ní*, ‘твой червяк’. При обозначении каких-то «отдельных» червей используется серия посессивных местоимений: *bà ní*, ‘твой червяк’. При этом при обозначении кишечного червя, извлеченного из человека, также используется серия посессивных местоимений. Поскольку эти две серии местоимений в этом смысле не являются дополнительно распределенными и разница в их употреблении с одним и тем же словом объясняется различным типом отношений, вполне обоснованно можно говорить о разных синтаксических связях.

Это подтверждается также данными диахронии. Похоже, что серия притяжательных местоимений произошла из серии несубъектных сравнением последним с посессивным показателем, имеющим низкий тон. Подобный показатель есть и в современном языке, это показатель *là: í lókó là gbá* ‘собака твоей матери’.

Приведем целиком несубъектную и посессивную серии.

	Посессивная серия	Несубъектная серия
1SG	<i>ñ</i>	<i>ñ</i>
2SG	<i>bà</i>	<i>í</i>
3SG	<i>à</i>	<i>à</i>
1PL	<i>kò</i>	<i>kò</i>
2PL	<i>kà</i>	<i>kà</i>
3PL	<i>wà</i>	<i>ò</i>

Видно, что, кроме местоимения 3 л. ед. ч., которое в несубъектной серии и так низкотонное, и местоимения 1 л. ед. ч., все остальные местоимения посессивной серии отличаются от соответствующих им

местоимений несубъектной серии именно низким тоном. Если по каким-то диахроническим причинам местоимение 1 л. ед. ч. не претерпело никаких поверхностных изменений в результате слияния с посесивной частицей, это не значит, что язык не «помнит» о том, что она когда-то там была.

Поведение фонемы /N/, которая образует местоимения 1 л. ед. ч. различных серий, помимо несубъектной, абсолютно аналогично поведению гласных фонем. Эти местоимения фонетически реализуются как [n] или [nn] с различными тонами и никогда не вызывают чередований начальных согласных. Гласные также бывают фонетически краткими, долгими, могут нести различный тон и не вызывают чередования. При этом поведение фонемы /N/ отличается от поведения согласных, которые не несут тон и не различаются по долготе-краткости (исключая случаи геминации, но здесь, очевидно, речь идет об ассимиляции, а не о долготе или о сочетании двух одинаковых согласных). Следовательно, фонема /N/ должна быть отнесена к гласным фонемам и может самостоятельно образовывать слог в отличие от согласной фонемы /ŋ/, которая встречается в интервокальной позиции.

2. Вокалическая система

Инвентарь фонем

	неносовые гласные				носовые гласные		
	перед- ний ряд	сред- ний ряд	зад- ний ряд		перед- ний ряд	сред- ний ряд	зад- ний ряд
верхний подъем	<i>i</i>		<i>u</i>	<i>N</i>	<i>j</i>		<i>ɥ</i>
средне- верхний подъем	<i>ɛ</i>		<i>o</i>		<i>ɛ̃</i>		<i>õ</i>
средне- нижний подъем	<i>e</i>		<i>ɔ</i>		<i>ɛ̃</i>		<i>ɔ̃</i>
нижний подъем		<i>a</i>				<i>ɑ̃</i>	

2.1. Проблема определения подъема гласных. Основные проблемы при идентификации фонемы возникают при определении подъема гласного, в особенности у пар /e/ vs /ɛ/, /o/ vs /ɔ/. Я ориентировалась на интуицию информанта и на числовые значения формант. Однако оказалось, что иногда интуиция информанта и показания компьютерного анализатора звучащей речи вступают в противоречие. Например, в словах *gɔ* ‘тратить’; ‘выходить’ и *gɔ* ‘дарить’; ‘орехи кола’ (фонемы определены со слов информанта) значения формант F1 и F2 следующие:

375 1000	500 1000
<i>gɔ</i>	<i>gɔ</i>
‘дарить’	‘выходить’
500 1125	375 1250
<i>gɔ</i>	<i>gɔ</i>
‘орехи кола’	‘тратить’

Видно, что в этом случае нужно либо определять фонемы исходя из значения формант, пренебрегая интуицией информанта, либо следовать мнению последнего. В любом случае, в будущем необходимо будет сделать дополнительную, контрольную запись с информантами.

Однако для глаголов нашлось решение проблемы. Оказалось, что глаголы, оканчивающиеся на разные гласные, по-разному ведут себя при присоединении показателя причастия *-à*. Глаголы, оканчивающиеся на /u/, /i/, а также на гласный, реализующийся как [e] или [ɛ], [o] или [ɔ], присоединяют показатель *-à*, при этом в глаголах, которые имеют структуру CVV, отпадает последний гласный, и *-à* присоединяется вместо него. Другая часть глаголов (с гласными /a/, а также гласным, реализующимся как [e] или [ɛ], [o] или [ɔ] на конце) ведет себя по-другому: в глаголах, которые имеют структуру CVV или CVCV, ничего не меняется, а в глаголах, которые имеют структуру CV, удлиняется гласный, так что структура последнего слога приобретает вид CVV, причем тон последнего сегмента низкий. Таким образом, в последнем случае вокалический суффикс ассимилируется гласным основы. Единственное предположение, которое можно сделать, — это то, что выбор происходит в строгой зависимости от подъема гласных в паре, причем значения формант показывают, что вторую группу составляют глаголы

с более открытым гласным. Это совпадает с интуицией информанта. Таким образом, по форме причастия можно определить качество гласного, например, для минимальной пары глаголов:

$$b\bar{o} + -\grave{a} = b\bar{o}\grave{a}, b\bar{s} + -\grave{a} = b\bar{s}\grave{a}.$$

Для южных языков манде нетипично, чтобы назализованные гласные имели столько же степеней открытия (или подъемов), что и чистые. Но оказалось, что в мано это именно так, что доказывается с помощью причастных форм глагола. Например, $b\bar{e}\bar{e} + -\grave{a} = b\bar{e}\bar{a}$ vs $gb\grave{e} + \grave{a} = gb\bar{e}\bar{e}$; $d\bar{o} + -\grave{a} = d\bar{o}\grave{a}$ vs $f\bar{s}\bar{s} + \grave{a} = f\bar{s}\bar{s}$.

Таким образом, для глаголов правило установления фонемы ясно выявлено. Для существительных такого правила выявить не удалось, и поэтому для спорных случаев, когда формантные показатели не дают однозначного ответа или вступают в противоречие с мнением информанта, решение принять затруднительно.

Однако проблема со значениями формант остается открытой. Возможно, дело вовсе не в разной степени открытости, а в разной степени продвинутости корня языка (признак +ATR, -ATR).

2.2. Фонематический статус носовых гласных. Что касается носовых гласных, то, как уже было сказано выше, в позиции после носовых согласных затруднительно определить качество гласного, поскольку речь в этих случаях идет о степени выраженности назальности: вслед за носовым согласным в силу ассимиляции гласный в любом случае назализуется. Таким образом, я предлагаю считать фонематичной назальность гласных только в контексте ртовых согласных.

2.3. Фонематический статус долгих гласных. В мано гласные противопоставляются по долготе/краткости, например:

(3)	<i>ĩ</i>	<i>d̄s̄</i>	<i>d̄s̄</i>	<i>p̄èl̄è</i>
	2SG.EX	разговор	останавливать	PROG
	0,10 мс	0,18 мс	0,08 мс	0,03 + 0,06

‘Ты говоришь (сейчас)’.

Возникает вопрос, являются ли долгие гласные отдельными фонемами или же это сочетание двух фонем? Одним из доводов в пользу

того, что долгие гласные являются бифонемными сочетаниями, служит поведение глаголов в форме причастия. Причастная форма с удлинённым гласным, с точки зрения признания или непризнания за долгими гласными статуса фонем, может иметь две возможные интерпретации:

1) если долгие гласные — отдельные фонемы, то с глаголом происходит следующее: показатель причастия элиминируется, а у конечной гласной появляется признак [+ long] и сложный тональный контур: в начале контура тон такой же, как у исходного гласного, а в конце — низкий, как у *-à*.

2) если долгие гласные — бифонемные сочетания, то с глаголом происходит следующее: показатель причастия *-à* ассимилируется предыдущим гласным по ряду и подъёму, при том что его тон не меняется.

Ясно, что вторая интерпретация предпочтительнее хотя бы исходя из критерия морфемной границы: если есть очевидная граница морфем, то должна быть постулирована граница фонем.

Другой довод в пользу того, что фонетически долгие гласные являются бифонемными сочетаниями, извлекается из тональной системы. В ману краткие гласные никогда не несут модулированных тонов. Модулированные тоны, причем всех возможных типов, бывают только у фонетически долгих гласных, из чего мы делаем вывод, что фонетически долгие гласные должны быть проинтерпретированы как сочетание двух гласных, каждая из которых несет определенный уровневый тон.

Третий довод в пользу бифонемной интерпретации фонетически долгих гласных даёт слоговая структура. Во-первых, последовательности типа CVCV с фонетически краткими гласными крайне частотны, а с фонетически долгими — нет; первые могут являться стопами, а вторые — нет. Во-вторых, структуры CV₁V₂ могут состоять только из двух кратких гласных. Таким образом, фонетически долгие гласные не способны образовывать стопы типа CVCV и CV₁V₂.

Все эти доводы свидетельствуют в пользу того, что фонетически долгие гласные должны быть проинтерпретированы как бифонемные сочетания.

Литература

Выдрин В.Ф. Метрическая стопа в языках манде // Фонетика и нефонетика: К 70-летию Сандро В. Кодзасова. М: Языки славянских культур, 2008. С. 308–317.

Коношенко М.Б. Фонологическая система гбали (северного диалекта языка кпелле): Курсовая работа. СПбГУ, 2008.

Creissels D. Aperçu sur les structures phonologiques des langues négro-africaines. Grenoble: ELLUG, 1994.

Vydrine V. Quelques recommandations méthodologiques concernant la description des langues mandé-sud // Mandenkan. 2005. N 41. P. 1–22.